

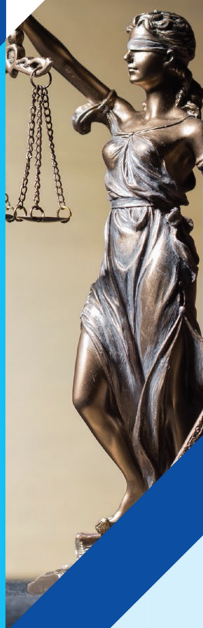

Санкт-Петербургский
государственный
университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**ВОПРОСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЮРИДИЧЕСКИХ ДЕЛАХ
И ПРОЦЕДУРАХ**

18 мая 2021 года
г. Санкт-Петербург

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)
ББК 81.2Рус
Р89

Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах.
Международная научно-практическая конференция. – СПб.:
Первый класс, 2021. – 544 с.

ISBN 978-5-604374733

© МАПРЯЛ, 2021
© Коллектив авторов, 2021
Издательство «Первый класс», 2021
Все права защищены

Н.Д. Голев

*Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, 650000, Кемерово, ул. Красная, 6*

СЛОЖНОСТЬ VS ДОСТУПНОСТЬ И ПОНЯТНОСТЬ ЯЗЫКА ЗАКОНА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭКСПЕРТНАЯ ПРОБЛЕМА

Проведенный теоретический анализ показал неоднозначность проблемы смысловой сложности / доступности правовых текстов, наличием разных точек зрения на нее. Неоднозначность определяется не только субъективными, но и объективными причинами, прежде всего она обусловлена сложной структурой правовой коммуникации, наличием в ней различных субъектов с разными статусами и интересами. К таким субъектам относятся законодатели и адресаты–потребители, среди последних существенно различаются точки зрения профессионального юриста и у рядового законопослушного гражданина. Позиция последнего в юридической литературе рассматривается редко. В исследовании акцент сделан прежде всего именно на этой позиции. В данном аспекте теоретически рассмотрены понятия сложности и доступности правового текста и способы преодоления избыточной сложности. При этом особое внимание уделено экспертным способам ее выявления и лингвистического противодействия. Более подробно рассмотрены экспертизы с прямой перлокутивной направленностью.

Ключевые слова: сложность, доступность, ясность, юридический язык, перлокутивная экспертиза, законопроект.

В информационном письме, которое оповещает специалистов и общественность о научно-практической конференции “Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах”, обозначены в числе многих других также такие вопросы, подлежащие обсуждению:

- 1) особенности коммуникативного взаимодействия языка и права;
- 2) требования к языку нормативных правовых актов; доступность правовой информации;
- 3) проблема интерпретации текста закона;
- 5) анализ особенностей восприятия правовой информации профессиональным сообществом и обычными гражданами;
- 6) содержание и технология проведения лингвистической экспертизы;

7) функционально-деятельностный подход к проведению экспертизы;

8) юрислингвистика в системе высшего образования и курсового обучения. В предлагаемом докладе перечисленные вопросы представляются как отражение разных сторон одного феномена и – соответственно – **как разные аспекты одного** и достаточно целостного предмета исследования – сложности юридического языка. Юридический язык в докладе понимается как язык законодательства. Разумеется, сказанное не означает, что автор ставит своей целью осветить все названные вопросы. На первый план в докладе выдвигаются теоретические и экспертные вопросы. Совмещая их, мы намерены подвести сложную и многоаспектную тему к технологиям измерения **степени смысловой сложности текста закона** и к выходу таких технологий в область лингвистической экспертизы текста законопроекта. Частный момент, технология, которую я анонсирую, здесь связана с использованием машинного перевода в роли способа измерения степени сложности / доступности текста.

1. Особенности коммуникативного взаимодействия языка и права. Коммуникативное взаимодействие языка и права обуславливается сущностью правовой коммуникации – общению власти и народа (или в собственно юридической терминологии плане – законодательная ветвь власти и законопослушные граждане) через опосредование специфического кода, каковым является юридический язык. Степень его специфичности – отдельный и сложный вопрос, но теоретически он решается достаточно однозначно – юридический язык – функциональная разновидность литературного языка, единого для всех его носителей. Обеспечение коммуникативного единства всех регионов слоев и даже поколенческих стартов населения – базовая функция литературного языка, формирующегося чаще всего в оппозиции территориальным диалектам. Замечу, в свою очередь, что государственный язык – разновидность литературного языка, призванная обеспечить коммуникацию во много- и разноязычных государствах. В том числе – правовую коммуникацию.

Успешность правовой коммуникации во многом вытекает из того, насколько эффективно она достигает своей цели. Каждый коммуникативный акт предполагает наличие целевой установки, средств ее осуществления и результата; в теории речевых актов используется коррелятивная триада терминов – иллокуция,

локуция, перлокуция. В случае правового общения законодателя и законопослушного гражданина в роли иллокутивного компонента выступает воля законодателя, волеизъявление, воплощаемое в законодательном акте, материальной оболочкой которого выступает текст такого акта. Важнейшим проявлением локутивного компонента являются требования к языку закона и конкретным его статьям. Эти требования знает и имеет в виду законодатель, и следование им обеспечивают обсуждения законопроектов в законодательном органе (первое, второе, третье чтения) и прохождение через лингвистическую экспертизу, если таковая предусмотрена соответствующим законодательным органом. Соответствие декларируемым требованиям и правилам – главный критерий успешности работы перечисленных органов и критерием качества разработанного ими закона. Однако правильность (соответствие конвенциональным правилам) – «не единственный и не главный критерий хорошей речи» (формула Саратовской функциональной лингвистической школы). Этот тезис во многом обусловлен тем обстоятельством, что коммуникативный акт не завершается локуцией, он завершается лишь тогда, когда намерение (иллокуция) автораречевого произведения будет реализовано полностью, то есть тогда, когда будет достигнут так называемый перлокутивный эффект, то есть соответствующее воздействие на адресата. В нашем случае – когда воля законодателя будет воспринята, понята и принята как руководство к действию законопослушным гражданином. В ином случае законопослушный гражданин не может быть по-настоящему – то есть осозанно – «послушным», так как в его сознание не отразится компонент «законо-». Формула «непонимание закона не избавляет от ответственности от его невыполнения» формально-юридически, то есть с точки зрения буквы законы, справедлива, но с точки зрения духа правовой коммуникации она вызывает большие сомнения, поскольку коммуникация, основанная только на вынуждении и не предполагающая знания, понимания и принятия того или иного положения закона, не соответствует принципу народовластия, объявленному нашей Конституцией как основополагающий для всех остальных законов – статья 3 Конституции РФ провозглашает: «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»; «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти». Лингво-смысловой анализ этих формул показывает следующее: предлог «через»

предполагает **инструментальный смысл** государственной власти в правовой коммуникации, из которого не вытекает возможности коммуникативного вынуждения по отношению к народу-субъекту, существительное «источник» в данном контексте актуализирует в первую очередь **субъектный смысл** народа, а инструментальный смысл здесь в лучшем случае – фоновый. На наш взгляд, есть определенное несоответствие духу правовой коммуникации и в моменте потенциального вынуждения законопослушного гражданина обращаться за толкованием текста к специалистам, ср.: «Если текст толкует неспециалист и текст правового акта ему неясен, то он может обратиться к профессионалу и проблема будет снята» [Мирошников, 2000, с. 215] Все сказанное предполагает, что оценка качества текста законопроекта (в последующем – закона) не может ограничиваться только конвенциональной правильностью, оно должно учитывать его воздействие на адресата, наличие перлокутивной эффективности текста закона и ее качества (конкретного содержательного наполнения). Поэт вправе заявить: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», поскольку возможность разнообразной интерпретации художественного текста заложена в самой природе художественного текста. Законодатель, наш взгляд, такого права не имеет, он не может не учитывать того, «как его слово отзовется» в правовом сознании и правовом поведении законопослушного гражданина.

Всем сказанным в нашей преамбуле мы подводим к тезису о необходимости проведения **перлокутивной экспертизы** текста законопроекта – то есть экспертизы, направленной на выявление того, как будет понят (=интерпретирован) текст законопроекта рядовыми гражданином.

2. Требования к языку нормативных актов. Доступность правовой информации. Разумеется, в перечне требований к тексту закона со стороны законодателя содержатся также и требования, предполагающие учет интересов адресата, в том числе рядового гражданина. Среди них часто называются такие его идеальные качества, как ясность, доступность, иногда понятность. Эти понятия в теоретическом плане дефинируются весьма приблизительно с общезыковых и общелогических позиций и редко становятся предметом конкретных исследований.

В качестве иллюстрации рассмотрим статью Е.Г. Мирошникова «Ясность и точность как требования к языку закона», к которой далее

по ходу обсуждения заявленной темы будем обращаться неоднократно. Ее автор начинает рассмотрение названных в заглавии статьи понятий с широкого обзора качеств юридического языка, которые трактует как проявления юридической техники. Юридическая техника в его понимании – инструмент рационализации юридической деятельности – «в достижении ясности, точности, простоты, краткости, определенной стандартности, единообразия (унифицированности) юридических документов, а в более общем виде доступности текста правовых норм с точки зрения их смысла» [Мирошников, 2000, с. 212]. Далее автор стремится единицы перечисленного ряда свойств юридического языка упорядочить (иерархизировать и дифференцировать). Как вытекает из приведенной цитаты, Е.Г. Мирошников ставит на вершину иерархии доступность как некое родовое понятие, а прочие признаки трактуются как его составляющие: «Доступность и ее составляющие облегчают понимание всеми смысла правовых норм, а тем самым способствуют более правильному их толкованию» [Там же, с. 213]. Совершенно справедлив, на наш взгляд, тезис: «Чтобы закон выполнялся, он должен быть доступен всем тем, к кому обращен» [Там же, с. 214]. Доступность в данной концепции представляет собой целевую установку юридической техники. Ясность и точность – компоненты юридической техники, служащие достижению этой установки или приближения к ней. Однако в ряде фрагментов своей статьи автор меняет иерархические отношения между этими понятиями, определяя ясность через доступность. При этом ясность увязывается с использованием максимально простых слов, упрощением синтаксических конструкций, и – традиционно – отказом от иностранных слов, некоторых канцелярских оборотов, бюрократических штампов, архаических выражений. Иными словами, ясность остается в сфере локуции, не выходит в полной мере на адресата и перлокутивную функцию. Немалый интерес для дальнейшего рассмотрения темы представляет предлагаемая Е.Г. Мирошниковым дифференциация понятий «ясность» и «точность» по линии двух типов законодательных актов: общего и специального назначения, к первым, по мнению автора, могут быть отнесены, например, «Закон о милиции» и «Закон об образовании», ко вторым – «О бюджетной классификации Российской Федерации». В первых должна доминировать ясность, во вторых «предпочтение должно быть отдано точности. Точность закона, в конечном счете, и есть его ясность для специалистов» [Там же, с. 217].

Подводя итог проблеме дефинирования слов, описывающих качество текста закона, отметим, что до сих они не достигли уровня собственно научных или юридических терминов и функционируют в научной и учебной литературе и инструктивной документации не как слова, по выражению А.Н. Баранова, «юридически не определяемые», а как слова, «определяемые лингвистически». Иными словами, лексемы, широко используемые в юридической литературе для освещения темы доклада – «сложность / простота», «доступность», «точность», «ясность», «понятность», «правильность», «простота», «краткость», «четкость» «определенность / неопределенность (смысла)», «стандартность», «единообразие», «однозначность», – близки по своим сематическим и функциональным свойствам словам литературным и общенародным с характерными для них свойствами – размытости семантики, полисемичности, активной включенности в синонимические и паронимические ряды. Полагаем, что, степень смысловой определенности / неопределенности у них разная, на основании своей языковой интуиции носителя русского языка предполагаю, что слова «правильность», «стандартность», «единообразие», «краткость», «четкость» достаточно определены, хотя допускаю, что скрупулезный лингвистический анализ может выявить зону неопределенности и у них; слова «сложность», «понятность», простота остаются в значительной мере неопределенными словами. Транслатологическая методика показывает следующую картину распределения данных слов по степени их определенности / неопределенности их семантики. Машинный перевод слов приведенного ряда на разные языки мира и обратно на русский дает такие результаты: «понятность» часто трансформируется в «понимание», определенность – в «уверенность», Тогда как «точность» и «четкость» и «достоверность», «однозначность и ясность», «краткость» и «ясность» нередко переводятся друг через друга (выступают как транслатологические синонимы); любопытно отметить, что слово «неопределенность» более однозначно в переводе, чем «определенность». Для иллюстрации приведем один фрагмент нашего сопоставительного исследования с использованием обратного перевода программы «Гугл-переводчик» с русского на японский и с японского обратно на русский. В списке справа (после обратного перевода на японский и английский) подчеркнуты несовпавшие единицы. Причины несовпадения и их глубина разнообразны, что может составить специальный предмет рассмотрения, разумеется, они

зависят не только от семантики слова в русском языке, но и от их семантики в других языках и особенностей компьютерной программы.

Сложность	Сложность, сложность, сложность
Простота	Простота, простота, простота
Доступность	Доступность, доступность, доступность
Точность	Точность, точность, точность
Ясность	Ясность, ясность, ясность
Понятность	<u>Легко понять</u> , понятность,
Правильность	<u>Верный, верно, верно</u>
Краткость	<u>Краткий</u> , краткость, краткость
Четкость	<u>Определение, определение, определение</u>
Определенность	<u>Безусловно, уверенность, уверенность</u>
Неопределенность	Неопределенность, неопределенность, неопределенность
Стандартность	<u>Стандарт, стандарт, неопределенность</u>
Единообразие	<u>Униформа, единообразие, единообразие,</u>
Однозначность	<u>Ясность, однозначность, без двусмысленности</u>

В лингвистическом плане единицы анализируемого ряда важно дифференцировать на две группы: 1) ориентированные на выполнение локутивной и перлокутивной функции (в указанном выше смысле терминов «локуция» и «перлокуция»), «локутивные» термины обслуживают в первую очередь интенцию законодателя, которая является основной точкой отсчета для их квалификации, 2) для «перлокутивных терминов» точкой отсчета выступают потребности адресата, которые, как было замечено выше, несомненно различаются у профессионального и / или юридически образованного адресата и адресата, не имеющего специального образования. Понятно, что если термин понятен для последнего типа адресата, то он будет понятен и для первого, обратное – необязательно и маловероятно.

Квалификация позитивных качеств юридического языка неотрывна от квалификации их противоположных (зеркальных) свойств – сложности, непонятности, трудности понимания, нечетости и диффузности смысла, неоднозначности и многовариантности выражения. Степень отдаленности слов с негативной оценкой от строгих дефиниций и – соответственно – статуса терминов значительно большая, чем у слов с позитивной оценкой. Наиболее употребительно в этом ряду понятие «сложность». Проблеме сложности юридического языка посвящено немало научных работ, публицистических выступлений политиков, рядовых носителей языка и юристов разных статусов [Алешкова, 2012; Белов, 2019; Кучаков, Савельев, 2018; Пишина, 2000 и др.]. В массовом сознании (не только обыденном, но и в профессиональном) сложилось устойчивое мнение о недоступности

смысла многих юридических текстов или немалых трудностей в их постижении.

Проблема сложности юридического языка и правовых тестов не только метаязыковая или метакогнитивная, она имеет выход в социальную практику, связанную с функционированием правовых текстов в обществе, и экспертную деятельность, связанную с необходимостью привлечения экспертов в ситуации необходимости прояснения спорных случаев интерпретации правовых текстов, в экспертизе законопроектов и в антикоррупционной экспертизе.

С необходимостью решения проблемы сложности юридического языка сталкивались, сталкиваются и, нужно полагать, будут сталкиваться в дальнейшем многие государства. Для решения этой проблемы использовались различные подходы и методы. Применительно к России об этой потребности однозначно сказал В.В. Путин в 2012 г. в статье «Демократия и качество государства»: «Необходимо улучшение языка правотворчества. Его надо сделать если не благозвучным (в древнем мире законы часто писали стихами для лучшего запоминания), то хотя бы понятным для адресатов норм». Обратим внимание на то, что В.В. Путин использует для обозначения позитивного качества правового текста слово «понятный». Понятность – стержневое понятие для дальнейшего рассмотрения проблемы сложности юридического языка, на достижение которого направлен заявленный в начале статьи метод измерения степени сложности правовых тестов.

Перечислим подходы и методы решения названной проблемы, имевшие место в истории права вообще и лингво-юридической техники в частности.

Переформатирование. Волевой способ упрощения сложных текстов. М.А. Кронгауз свидетельствует: «Я в свое время участвовал в проекте, в котором переписывал главу Гражданского кодекса о налогах на понятный язык. В книге параллельно с текстом закона шел его перевод на “русский язык”». Обобщая этот опыт, автор замечает: «Реализовать подобную инициативу будет достаточно сложно. Причина в том, что законов очень много и все они написаны тяжелым для понимания языком. Уже при составлении законопроекта юристы должны сразу консультироваться с лингвистами, чтобы изначально не усложнять язык законов. В 2004 году по просьбе администрации Путина Григорий Остер принял участие в разработке сайта “Президент России гражданам школьного возраста”, писатель понятным и доступным

для детей языком рассказал младшему поколению о политическом устройстве государства и работе всех ветвей власти».

Развитие института посредников. Расширение возможностей консультирования рядовых граждан по юридическим вопросам разумеется, может ослабить напряженность проблемы сложности юридического языка для неспециалистов. Например, путем открытия большого числа консультационных пунктов, в том числе с привлечением студентов юридических вузов. Но степень ослабления неясна, скорее всего, она не может быть значительной из-за дороговизны организации и временных затрат.

Просветительская стратегия. Уменьшить потребность в обращении к посредникам может постепенное юридическое просвещение и образование населения.

Элементы правового образования населения, начиная со школы, существуют в разном статусе и форме в России и сейчас. Например, совсем недавно факультет права НИУ ВШЭ запустил бесплатный курс по правовой грамотности для неюристов. Но в какой мере такие формы обучения приближаются к системному образованию, мы объективно оценить не можем.

Повышение уровня лингвистического образования студентов юридических специальностей и профессиональных юристов, связанных с созданием правовой документации, может, на наш взгляд, способствовать уменьшению удельного веса правовых тестов с пониженной доступностью для рядовых граждан. Особенно значимыми здесь могут быть теория речевых актов (с акцентом на перлокуцию), трактовка интерпретации речевого произведения, по А.А. Потемне – читая текст, адресат воспринимает не тот смысл, который имел в виду автор, он создает свой собственный смысл на основе личных пресуппозиций (ожиданий) и личного опыта, идеи постмодернизма относительно отчуждения текста от автора также могут быть полезны законодателю, равно как и отмеченные выше идеи Саратовской лингвистической школы о вспомогательной роли критерия правильности.

Разъясняющая стратегия. Юридическое комментирование текста законов – один из самых распространенных способов противодействия сложности, неоднозначности и неопределенности

смысла текста закона. Обычно комментарии сопровождают текст закона в виде примечаний, отдельных изданий. Как правило, такие комментарии предназначены для правоприменителя. Не исключено использование их и неспециалистом. Но здесь в любом случае важно учитывать неоднозначное воздействие комментариев на понимание. Ср.: «Следует обратить внимание на то, что ясность текста нормативного правового акта для все (юристов и неюристов) может быть достигнута путем использования казуистического способа изложения текста нормативного правового акта, а это приведет к количественному разрастанию законодательства, его противоречивости, утрате правовой нормой ее абстрактности» [Мирошников, 2000, с. 215]. Заключительная часть цитаты актуализирует важную и не решенную в когнитивной лингвистике проблему воздействия на понимание как расширения, так и сокращения текста (последнее может быть следствием требования краткости текста, которое часто предлагается в целях противодействия его сложности). Ср. исследование Л.Г. Ким на эту тему, в которой доказывается, что «множественность и вариативность интерпретаций адресатом текста детерминируется как неполнотой содержания, так и избыточностью текста»; «в случае неполноты выраженной в тексте информации включаются ассоциативные механизмы интерпретации его содержания, при избыточности информации множественность интерпретаций обусловлена возможностью для адресата “большого выбора” стимулирующих дискурсивных единиц, каждая из которых определяет результат интерпретационного процесса» [Ким, 2020, с. 145]. Совершенно очевидно, что положение Л.Г. Ким является прямым следствием тезиса А.А. Потебни о субъектной роли интерпретатора текста, приведенный нами выше.

Разновидностью юридического комментирования является толкование правового текста непосредственно в тексте закона. Тем самым реализуется принцип *terminus artis ignoratur et ars* – если терминология неизвестна, неизвестен сам предмет. Например, Статья 2. Средства массовой информации, включает дефиниции основных терминов. Ср.: «Для целей настоящего Закона: под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы; под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная

программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием <...>».

Пропедевтический способ толкования воплощен в преамбуле. Преамбула – способ введения читателя в суть закона, в ней сосредоточено изложение сути акта, преамбула расставляет нужные акценты и может служить важным элементом понимания текста закона, это особенно важно для неспециалиста. В преамбуле делается акцент на фиксацию того, что именно получает человек от этого закона. В.М. Баранов подчеркивает, что преамбула выделена из массива сугубо юридического текстового массива, особым стилем: «для нее характерен специфический, торжественный и пафосный язык»; преамбуле свойственны самобытные функции (регулятивно-ориентационная, идеолого-воспитательная, программирующая, учредительная, информационно-познавательная, координационная, ограничительная, профилактическая» [Баранов, 2014, с. 3].

Совершенствование лингвистической экспертизы законопроектов.

Продолжаем линию теоретического рассмотрения различных подходов к выявлению и измерению сложности юридического текста, ориентации этих подходов на позицию текста или субъекта текстовой деятельности (автора или адресата). Обратимся в этой связи еще раз к статье Е.Г. Мирошникова, который справедливо указывает на наличии в признаках сложности и ясности текста как объективной, так и субъективной сторон [Мирошников, 2000, с. 217–221]. Объективная сторона заключена в тексте, «который, хотя и пишется людьми, но после создания становится частью реального мира и существует вне нас и независимо от нас» [Там же, с. 218], субъективная сторона неизбежно возникает в силу того, что текст и создается людьми, и интерпретируется также ими, при этом «мера ясности закона для разных субъектов права не может быть одинаковой (у интерпретаторов разные интеллектуальные возможности)» [Там же, с. 218].

Рассмотрим с этих позиций различные способы экспертирования текста законопроектов, применяемые на практике, с точки зрения их предназначения для совершенствования правовой коммуникации, в первую очередь - с точки зрения отношения этих способов к потребностям адресата, то есть с позиций перлокутивной функции правовой коммуникации.

Традиционная лингвистическая экспертиза текста законопроектов носит локутивный характер и направлена на приведение текста к соответствию конвенциональным нормам. Основная презумпция такой экспертизы по отношению к адресату и таких свойств текста, как доступность и понятность текста – если написано правильно, в соответствии с требованиями – то априори означает: понятно и доступно. В официальном документе «Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания от 6 августа 2013 г. “<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70363040/> зафиксированы такие основные положения и частные рекомендации официально утвержденной лингвистической экспертизы законопроектов, которые призваны обеспечить конвенциональную правильность текста законопроекта. Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов». Эти нормы в цитируемом документе перечислены и распределены по рубрикам: «Требования к языку и стилю законопроекта», «Анализ и оценка точности выбора терминов и лексической сочетаемости слов». «Требования к синтаксису (Анализ и оценка предложений)», «Логика изложения правовых норм». «Требования к оформлению структурных элементов статей законопроекта», «Технологические этапы лингвистической экспертизы законопроекта». Последняя рубрика завершается положением: «Таким образом, технологическими этапами лингвистической экспертизы законопроекта являются редактирование законопроекта, его двойная корректорская вычитка, сверка вариантов текста после их исправления, контрольное чтение законопроекта». Специального, эксплицитно выраженного, акцента на преодоление излишней сложности, на достижение доступности и понятности текста адресатом в приведенных рекомендациях не делается, хотя бесспорно, что имплицитно он предполагается.

В приведенном выше способе, который мы обозначили термином «Переформатирование», оценка излишней сложности текста осуществляется интроспективно – путем обращения эксперта к своей языковой интуиции. Эксперт таким образом осуществляет мысленный эксперимент, встав на позицию адресата, оценивающего уровень понятности текста и осуществляющий на этой основе

перформативание («переписывание») текста, которое М.А. Кронгауз назвал «переводом на русский язык». Слово «перевод», употребленное в переносном значении, важно для дальнейшего сюжета доклада, в котором слово «перевод» далее употребляется в прямом смысле, как перевод с одного языка на другой.

«Большой интерес для лингвистической экспертологии представляют исследовательские работы, в которых сложность текста оценивается не на конвенциональных критериях, а на критериях объективных (в гносеологическом смысле – объективистских), заключенных в самом тексте, и правоприменения, снижения затрат времени на восприятие правовых норм, улучшения качества правовых актов» [Савельев, 2020, с. 50], имеют практический выход в законодательную практику; данный тезис теоретически увязывается с возможностью получения перлокутивного эффекта: «Для качественной правореализации недостаточно только факта официального опубликования нормативных актов. Важна ясность правовых текстов, доступность их для понимания. Лингвистическое и юридическое качество текста взаимосвязаны. Создание качественного текста будет способствовать более четкому формулированию идей, заложенных в правовой или судебный акт» [Там же, с. 50].

Таким образом представленные выше способы экспертной оценки сложности, доступности правового текста могут быть квалифицированы как опосредованно перлокутивные.

Непосредственно перлокутивные способы направлены на прямую апелляцию к результатам интерпретационной деятельности адресата и выведения из них квалификации уровня смысловой сложности текста.

Таким способом может стать направленный эксперимент – опрос носителей языка по поводу текста с вопросами типа: «Понятен ли Вам смысл данного правового акта»? (или «Как Вы поняли цель данного правового акта?»); «Каким образом в правовом акте предполагается достижение цели?» Примеры такого опроса по поводу смысла статьи 47.2 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» представлены в нашей статье [Голев, 2019]. Количественная обработка ответов позволяет ответить на вопрос, нуждается ли текст в доработке в плане его понятности и доступности. В указанном примере ответ был отрицательный. Проведя цикл такого

рода опросов, мы оценили данный способ как недостаточно надежный, с наличием элементов субъективности и главное – как трудоемкий. Хотя как вспомогательный и верифицирующий по отношению к другим способам он, на наш взгляд, вполне применим.

Наша целевая установка на выработку более объективной перлокутивной методики измерения сложности текста привела нас к идее использования результатов обратного машинного перевода (ОМП) как показателя смысловой сложности текста. В дальнейшем она была дополнена идеей применения компьютерных программ сравнения текстов на схожесть (ПСТС), позволяющих ответить в конкретных количественных показателях (процентах) на вопрос, на сколько процентов переводный текст отдален от формы и смысла исходного текста. Если этот процент высок, то это дает сигнал для совершенствования текста законопроекта. Этот общий посыл может быть конкретизирован частными сигналами: программы сравнения текстов на схожесть указывают точки несовпадения. Применительно к юридическому тексту назвали несовпадающие фрагменты сигналами напряженности между планом выражения и планом содержания текста законопроекта. Работая с ними, можно достичь увеличения процента схожести исходного (уже измененного) текста и таким образом получить улучшенный (с компьютерной «точки зрения») вариант текста законопроекта. Таким образом, предлагаемый нами способ является специфическим форматом измерения текста извлечения из самого текста информации о степени его сложности, о котором сказано выше. Одновременно мы рассматриваем его как способ большего приближения к перлокуции, так как реакция компьютерной программы на смысл текста является подобной реакции человека – среднестатистического читателя. Идея такой технология возникла у докладчика недавно, некоторые первичные результаты апробации данной технологии представлены в публикации [Голев, 2019].

Преумпционное основание такой методики – относительное уподобление перевода и понимания, переводимости и понятности текста. Соотнесение перевода и понимание являются интерпретационной деятельностью, приводящей к созданию вторичных текстов. Вторичный текст является отражением первичного в разных отношениях, в том числе смысловом. Переводный является одним из форматов вторичного текста, см. об этом наше статью «Изложение. Пародия, перевод...К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов». [Голев, Сайкова, 2000]. Спроецируем положения этой статьи на решаемые в

трансляционном эксперименте задачи на примере изложения. Скажем, учитель, проверяя результаты изложение в котором изначально было задание изложить исходный текст, сохраняя его смысл, обнаружит, что с одним из фрагментов многие ученики справляются хуже, то у учителя есть все основания полагать, что причина не в учениках, а в том, что «трудный фрагмент» содержит «трудность» в себе самом. Таким же образом, трудности, испытываемые переводчиком (в том числе машинном) являются сигналом смысловой осложненности текста. Сформулированные послышки приводят к гипотезе, которую мы предлагаем назвать «Транслатологической гипотезой понятности текста». Ее формула: «Шкалы степени переводимости /непереводимости текста и степени его сложности /понятности коррелятивны и находятся в прямопропорциональных отношениях» – чем сложнее в формально-смысловом отношении текст, тем ниже степень его переводимости, и наоборот. Исходя из этого тезиса, полагаем, что нарушения смысловой эквивалентности, фиксируемой ОМП, могут квалифицироваться как сигналы затруднений, которые могут испытывать читатели данного текста.

Рассмотрим в таком аспекте раздел 8. Водного кодекса РФ (Статья 6. Водные объекты общего пользования: «Каждый гражданин вправе пользоваться (без использования механических транспортных средств) береговой полосой водных объектов общего пользования для передвижения и пребывания около них, в том числе для осуществления любительского рыболовства и причаливания плавучих средств»).

После перевода на английский язык и обратного перевода на русский статья при обрела такой вид, ПСТС (<https://ciox.ru/>) указала, что тексты схожи на 35% и выделила несовпадающие лексические фрагменты (они подчеркнуты).

«Каждый гражданин имеет право использовать (без использования механических транспортных средств) прибрежную полосу общественных водных объектов для передвижения и стоянки вокруг них, в том числе для осуществления любительского рыболовства и швартовки плавсредств». Полагаем, что для лингвистической экспертизы подчеркнутые слова являются сигналом для анализа. Слово «вправе» является предметом активного обсуждения в методических указаниях по антикоррупционной экспертизе; возможно, что анализ покажет, что «береговой» дает чрезмерно расширительный смысл по сравнению с «береговой»; «стоянка» и «пребывание» явно не

равнозначны по содержанию и объему понятия, так же как и объект общего пользования» и «общественные объекты». ОМП дает сигнал на рассмотрение слова «причаливание», которое компьютер передал словом «швартовка» (рискуем предположить, что этот сигнал будет признан экспертом ошибочным).

Таким образом предложенный метод подтверждает наблюдение специалиста: «В действующем Водном кодексе РФ наблюдается существенный языковой пробел, влекущий вслед за собой правовой. <...> Такая ситуация приводит к тому, что как государственные служащие, так и водопользователи сталкиваются с различными проблемами: присвоение статуса водному объекту, определение собственника водного объекта, выдача разрешительных документов, осуществление контроля и надзора за использованием и охраной водных объектов» [Шикалева, с. 125].

The conducted theoretical analysis showed the ambiguity of the problem of semantic complexity / accessibility of legal texts, the presence of different points of view on it. The ambiguity is determined not only by subjective, but also by objective reasons, first of all, it is due to the complex structure of legal communication, the presence in it of various subjects with different statuses and interests. These subjects include legislators and addressees-consumers, among the latter, the points of view of a professional lawyer and that of an ordinary law-abiding citizen differ significantly. The position of the latter is rarely considered in the legal literature. Our research focuses primarily on this position. In this aspect, the concepts of complexity and accessibility of a legal text and ways of overcoming excessive complexity are theoretically considered. At the same time, special attention is paid to expert methods of identifying it and linguistic counteraction. Examinations with a direct perlocutionary focus are considered in more detail.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алешкова Н. П.* Дополнительное правотворчество как результат мониторинга правоприменительной деятельности // *Lex Russica*. 2012. № 6. С. 1232–1247.
2. *Баранов В. М.* Преамбула нормативного правового акта (доктрина, практика, техника). – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.
3. *Белов, С. А.* Язык юридических документов: сложности понимания / С. А. Белов, В. Б. Гулида. – СПб.: Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2019. – № 15 – С. 56–103.

4. *Голев Н.Д.* Выявление и описание сигналов напряженности плана содержания и плана выражения текстов законопроекта: экспериментальный проект (к постановке проблемы) // В книге: Актуальные вопросы науки и техники: проблемы, прогнозы, перспективы. Сборник тезисов национальной конференции. Под общей редакцией И.С. Морозовой, И.А. Короткого. 2019. С. 8–14

5. *Голев Н.Д., Сайкова Н.В.* Изожение, пародия, перевод. Деривационная интерпретация вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса. Барнаул, 2001.

6. *Ким Л.Г.* Неполнота и избыточность информации как факторы множественности интерпретаций рекламного текста // Язык. Право. Общество Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020 с. 145–148.

7. *Кучаков Р., Савельев Д.* Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов. Под редакцией Дмитрия Скугаревского (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»). СПб: ИПП ЕУСПб, 2018

8. *Мирошников Е.Г.* Ясность и точность как требования к языку закона // Проблемы юридической техники. Сб. статей / Под ред. В.М, Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 212–220.

9. *Пишина С.Г.* Интерпретационные ошибки, возникающие при осуществлении грамматического способа толкования // Проблемы юридической техники. Сб. статей / Под ред. В.М, Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 249 – 256.

10. *Савельев Д.А.* Право. Журнал Высшей школы экономики исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации. 2020. № 1. С. 50–74.

11. *Шикалева, П. В.* Понятия «Пруд» и «Водохранилище» в Водоемном праве России // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 125– 127.

COMPLEXITY VS ACCESSIBILITY AND COMPREHENSIBILITY OF THE LANGUAGE OF THE LAW AS A THEORETICAL AND EXPERT PROBLEM

*Kemerovo State University, 6, Krasnaya St,
650000, Russian Federation*

The conducted theoretical analysis showed the ambiguity of the problem of semantic complexity / accessibility of legal texts, the presence of different points of view on it. The ambiguity is determined not only by subjective, but also by objective reasons, first of all, it is due to the complex structure of legal communication, the presence in it of various subjects with different statuses and interests. These subjects include legislators and addressees-consumers, among the latter, the points of view of a professional lawyer and that of an ordinary law-abiding citizen differ significantly. The position of the latter is rarely considered in the legal literature. Our research focuses primarily on this position. In this aspect, the concepts of complexity and accessibility of a legal text and ways of overcoming excessive complexity